

Д. В. ПАНЧЕНКО

**ПИФАГОРЕЙСКИЕ ИСТОЧНИКИ «ГОРОДА СОЛНЦА»:
КАМПАНЕЛЛА И ПСЕВДО-ОКЕЛЛ**

Одна из наиболее ярких и разработанных сторон утопии Кампанеллы — организация брачных отношений. Граждане Государства Солнца смотрят на деторождение как на первоочередное государственное дело, которое нельзя оставлять на произвол частных лиц. Они, узнают читатели Кампанеллы, «смеются над нами, что мы обращаем внимание на породу собак и лошадей и не заботимся о собственной». ¹ Автор «Города Солнца» дорожил не только самим принципом целенаправленного подхода к деторождению, но и способом его обоснования. В сочинении «О способности вещей к ощущению и магии» он удивляется тем владетельным особам, которые радуются о лучшем потомстве у лошадей и собак и с беспечностью относятся к деторождению; ² «народы больше заботятся о породе лошадей, чем о собственной», — сетует в «Испанской монархии»; ³ «о потомстве лошадей, чтобы оно было хорошим, люди заботятся, а о своем — нет», — вновь констатирует в рассуждении «О наилучшем государстве». ⁴

Этот аргумент, кажущийся Кампанелле столь удачным, им, однако, не изобретен. Его использует Платон в той части «Государства», где принцип «у друзей все общее» распространяется на жен и детей. ⁵ Поскольку текст «Города Солнца» хранит несомненные следы внимательного чтения этой части, т. е. V кн. «Государства», ⁶ кажется естественным без дальнейших разысканий признать зависимость Кампанеллы от Платона. Однако в рамках античной литературы платоновское рассуждение дублируется в сочинении Ямвлиха «О жизни Пифагора» ⁷ и трактате «О природе вселенной», приписывавшемся пифагорейцу Океллу. ⁸ Против Ямвлиха говорит выбор животных, используемых в противопоставлении: отсутствуют лошади, которые у Кампанеллы появляются как раз всюду. В пользу Окелла по сравнению с Платоном говорят стилистические особенности. Платон развивает мысль в обычной для его диалогов форме вопросов и ответов, тогда как автор «О природе вселенной» формулирует антитезу, хотя и в менее жа-

том виде, чем у Кампанеллы.⁹ Хорошо известно, какое впечатление произвел пифагорейский трактат на молодого философа из Калабрии: по собственному признанию Кампанеллы, он «приступил к написанию „Пифагорейской философии“ в жанре поэмы Лукреция, будучи движим чтением О к е л л а Л у к а н а и речениями платоников».¹⁰ В пользу Окелла говорит и контекст: этот автор, как будет показано, использован в тематически и идейно близком рассуждении.

Другой полемически формулируемый принцип, которым солярии руководствуются в вопросе о деторождении, — «смотреть на природные достоинства, а не на богатство и обманчивую знатность».¹¹ О том же пишет Окелл: грешат те, кто, вступая в брак, руководствуется не величием судьбы, не общественной пользой, а единственно соображениями *богатства* или *знатности рода*; тогда как им следовало жениться на молодых и цветущих, они берут в жены старых — все это вредит не только дому, но и *всему государству*.¹² В непосредственно связанном с «Городом Солнца» рассуждении «О наилучшем государстве» Кампанелла говорит о неподходящих сожителствах, возникающих, «когда смотрят только на равенство достатка, из-за чего государство от таких сожителств не имеет потомства либо часто, как можно видеть, получает вялых, безобразных и немощных; и на это обращает внимание великий философ Пифагор».¹³ В переносе суждения с ученика на учителя нет, конечно, ничего удивительного. Примерно тот же текст со ссылкой на «пифагорейцев» в «Политических вопросах».¹⁴ Наконец, в сочинении «О способности вещей к ощущению и магии» мы находим прямую ссылку на Окелла: «Но я дивлюсь оживотненности тех, кто проявляет такую заботу о размножении животных, а человеческим деторождением пренебрегает. Поэтому в государстве следовало бы принять меры к тому, чтобы браки заключались не на основании богатства, а на основании свойств, как призывает п и ф а г о р е е ц О к е л л».¹⁵ Поскольку в первой фразе Кампанелла выражает удивление только от своего имени, можно думать, что он забыл о литературном происхождении его излюбленной антитезы; но сама ассоциация между двумя формулировками, разумеется, не противоречит предположению о происхождении их из одного источника.

Автор «О природе вселенной», как и затем Кампанелла, подчеркивает также важность физического воспитания юношей и девушек в перспективе родительских обязанностей, необходимость наблюдения за состоянием будущих матерей, особенно их питанием.¹⁶ Он устанавливает возраст, прежде которого молодых людей не следует допускать к брачным отношениям, причем заслуживает внимания близость цифр там, где для их выбора не было независимых объективных оснований: первый говорит о возрасте в 20 лет, второй прибавляет год для мужчин и убавляет год для женщин. Правда, Кампанелла допускает для юношей более раннюю половую жизнь, если она не ведет к деторождению.

«Однако кто воздерживается от совокуплений вплоть до 21 года (латинская редакция прибавляет: «а тем более до 27»), тот удостаивается различных почестей и песнопений». Естественный ход мысли — связать слова Кампанеллы (особенно в латинском варианте, усиливающим иррациональный момент) с установкой на аскетизм, присущей христианской культуре. Но это приведет к противоречию с последующими замечаниями о половой жизни «для удовольствия». Соотнесение с источником разъясняет место и обнаруживает совершенно иную идейно-культурную ориентацию. Окелл установление возрастного ценза обосновывает «от природы» — и растения, и животные плодоносят, когда придет срок, и в жизни человеческой много такого, что лучше познавать поздно; поэтому будет правильным, если молодой человек сочтет хорошее телосложение и воздержание вещами наилучшими и достойными почета.¹⁷

Таким образом, мы видим целый комплекс принципов относительно деторождения, которыми Кампанелла в той или иной мере обязан пифагорейскому трактату. Поскольку довод от опыта разведения лошадей и собак входит в этот комплекс, формулируется Океллом, причем, как и у Кампанеллы, в форме антитезы, и наряду с этим мы знаем об энтузиастическом отношении автора «Города Солнца» к Океллу — мы вправе сделать вывод, что и этим доводом Кампанелла обязан «О природе вселенной».

Все сказанное выше можно резюмировать следующим образом: основные принципы Государства Солнца относительно деторождения — пифагорейского¹⁸ происхождения.

Подобного рода результаты источниковедческих усилий приложимы не только к прослеживанию идейной традиции, судеб античного наследия и описанию процессов рецепции и отбора, действующих в истории культуры. Характер рецепции может дать представление о системе и развитии взглядов исследуемого автора, а соотнесение с источником — позволить лучше понять его текст.

О чем свидетельствует то обстоятельство, что взгляды Кампанеллы на деторождение сложились под решающим влиянием не Платона (общепринятая точка зрения), а Окелла? Меньше всего о том, что Кампанелла прочитал «О природе вселенной» раньше «Государства». Последнее маловероятно, ибо Кампанелла с самого начала ориентируется на философскую традицию, тесно связанную с Платоном, и при этом одержим жадной чтением; ссылки на «Государство» встречаются уже в первом его сочинении — «Философии, доказанной ощущениями» (1589 г.). Но ведь и в «Государстве» отмечается значение природных задатков, теоретически постулируется человеководство, предусматривается, чтобы наиболее многочисленное потомство рождалось от лучших, а худшие к деторождению не допускались.¹⁹ Однако у Платона вся эта евгеника воспринимается лишь как часть целой системы, все эти предписания — как следствие и конкретизация основополагающего

принципа «у друзей все общее», они формулируются применительно к условиям совершенно особого быта, и их рецепция предполагает рецепцию в общих чертах *всей системы*. Позднее это и произошло с Кампанеллой. Но позднее. То, что он оказался более восприимчив к Окееллу (в небольшом сочинении которого евгеника — единственная, можно сказать, социальная тема), нежели Платону, показывает, что идея правильного деторождения возымела для него значение раньше, чем идея преобразования общества на основе последовательного коллективизма.²⁰

Теперь, когда мы лучше представляем отношения между «Городом Солнца» и его источниками, мы можем подойти к интерпретации одного противоречия, возникающего в тексте Кампанеллы, которое до сих пор, насколько нам известно, не получило удовлетворительного объяснения.

У соляриев все общее. Философы, основавшие государство, решили жить «согласно философии *in commune*», и первое, что мы узнаем об их новом устройстве, — это наличие у них *la comunità delle donne*.²¹ Один из разделов «О наилучшем государстве» посвящен защите *communitas mulierum* как института брачных отношений соляриев.²² Итак, общность женщин — кардинальная характеристика Государства Солнца. Каково же наше изумление, когда мы читаем: «Если какие-нибудь женщины не беременеют от одного, их соединяют с другими; если и тогда какая-нибудь из них окажется бесплодной — *ее можно сделать общей*, но такая уже не пользуется почетом... чтобы она не вызывала бесплодие ради распущенности».²³

Эта непоследовательность возникла в результате соединения установок разного происхождения. В сущности, в процитированном тексте речь идет о другой общности. Та, «Платоновская», общность женщин — это принцип социальной организации, мотивируемый тем, что моногамная семья порождает себялюбие.²⁴ А особая общность бесплодных женщин — следствие «пифагорейского» хода мысли. Общность женщин в «пифагорейский» комплекс не входит, но, с другой стороны, целенаправленный подход к деторождению подразумевает подбор наиболее пригодных пар. Но как быть с теми, кто не признан подходящим к наилучшему деторождению? Их (т. е. мужчин — на текстах Кампанеллы нетрудно показать, что он рассуждает всегда с мужской позиции) соединяют с женщинами, не предназначенными для деторождения: именно таковые должны стать в полном смысле общими.²⁵ К их числу наряду с бесплодными относятся женщины слабого здоровья (*donne di poco valore*).²⁶ Вероятно, позднее, в большей степени проникнувшись идеалами коллективизма и применительно к условиям устроенного уже общества, где все правильно рождены и воспитаны, Кампанелла пришел к мысли о свободном сожителе с беременными.²⁷

Помимо особенностей писательского темперамента, причиной тому, что автор не заметил возникшее в тексте противоречие, —

двойная ориентированность его утопии. С одной стороны, Кампанелла пишет образец идеального государства; с другой — рассчитывает на его осуществление в ближайшем будущем.²⁸ Но понятно, что если в уже устроенном идеальном государстве лишь единицы не будут отвечать требованиям, предъявляемым к родителям, то в только что учреждаемом — значительная часть. И соответствующая ориентация ведет к актуализации «пифагорейского» хода мысли. Показательно, что товарищи Кампанеллы по заговору в Калабрии (1599 г.), в результате которого должно было возникнуть государство, подобное описанному в «Городе Солнца» (1602 г.), свидетельствуют о намерениях их вдохновителя возложить деторождение на лучших представителей человеческого рода, но не говорят о *la communità delle donne*.

Возвращаясь к сопоставлению Платона и Окелла, отметим следующее. Если евгеника первого находится в рамках системы, *весьма отвлеченной* от реальных общественных устройств, то Окелл протестует против тех основ брака, которые целиком сохраняли свое значение и в обществе, современном Кампанелле (богатство и знатность). То есть Кампанелла оказался восприимчивее к тому, что более тесно было связано с действительностью. Это, конечно, нормальное явление, но когда, как в случае с «Городом Солнца», речь идет о складывании проектов государства и общества, радикально отличных от существующих, конкретное знание такого рода обстоятельств существенно.²⁹

¹ Bruno G., Campanella T. Scritti scelti / A cura di L. Firpo. Torino, 1949 (далее — *La Città del Sole*), p. 415: «si riden di noi che attendomo alla razza de cani e cavalli, e trascuramo la nostra»; ср.: Кампанелла Т. Город Солнца / Пер. с лат. Ф. А. Петровского. М., 1954 (далее — ГС), с. 44.

² Campanella T. De sensu rerum et magia. Francofurti, 1620, Lib. IV, Cap. XIX, p. 347.

³ Campanella T. Della Monarchia di Spagna, Cap. IX. — In: Campanella T. Opere / A cura di A. D'Ancona. Torino, 1854, vol. II, p. 108: «i popoli si curano più delle razza dei cavalli che della propria».

⁴ Campanella T. De optima republica. — In: Campanella T. Disputationum in quatuor partes suae philosophiae realis libri quatuor. Parisiis, 1637 (далее — *Disputationes*), pars III, p. 112: «equorum curat quis generationem bonam, non autem suam».

⁵ Plat., Resp., V 459a—b.

⁶ Например, полемика с Plat., Resp., V 460 a. — *La Città del Sole*, p. 426—27; ГС, с. 67.

⁷ Iambl., V. P., 212 sq.

⁸ Ocell. IV, 14. — О вопросах, связанных с трактатом «О природе вселенной», см.: Thesleff H. An introduction to the Pythagorean writings of the Hellenistic Period. — *Acta Academiae Aboensis*, Abo, 1961, XXIV, 3, p. 38 etc. — Однако у Кампанеллы, который, вероятно, следовал Ногароле (Ocellus Lucanus. *De universi natura*/Interprete L. Nogarola. Venet., 1559 и другие издания), не было причин сомневаться в принадлежности «О природе вселенной» ученику Пифагора (ср. ряд имен, выстраиваемых Кампанеллой, очевидно, по хронологическому принципу — Campanella T. *De libris propriis et recta ratione studendi syntagma*/A cura di V. Spampinato. Firenze etc., 1927, Cap. IV, Art. 1, p. 78: «... Aristoteles ex observatis in Homero, Ocello, Platone...»); cf.: Patricius F. *Nova de universis philosophia*. Ferrariae, 1591, Pancosmia, XXII, f. 117 v. Соответственно автор «О природе вселенной»

будет именоваться в статье Океллом. Возможность влияния Окелла на обсуждаемую фразу отмечает Боббио. — См.: *Campanella T. La Città del Sole/A cura di N. Bobbio. Torino, 1941, p. 61.*

⁹ «Ведь несправедливо..., что, те кто вскармливает лошадей, или птиц, или собак для охоты, со всяческой тщательностью заботятся о том, каким образом, от кого и чтобы в надлежащее время рожали животные, да и в каком расположении они должны соединяться и смешиваться, чтобы немалоценными и беспородными рождались детеныши, а люди без всякой заботы к своему потомству относятся». (Поскольку Кампанелла, судя по всему, плохо знал греческий, мы основываемся на латинском переводе Ногаролы, расхождения которого с оригиналом несущественны).

¹⁰ *Campanella T. De libris propriis...*, Cap. I, Art. I, p. 17: «Item Philosophiam Pythagoricam carmine Lucretiano auspicatus eram, motus quidem ex Ocelli Lucani lectione et Platoniorum dictis».

¹¹ *La Città del Sole*, p. 425: «mirar li meriti naturali, e non la dote o la fallace nobiltà»; ГС, с. 64.

¹² *Ocell. IV*, 6—7.

¹³ *Disputationes, pars III*, p. 109.

¹⁴ *Ibid.*, p. 119.

¹⁵ *Campanella T. De sensu rerum*, loc. cit.: «Sed miror eorumdem bestialitatem qui bestialis generationis curam tantam gerunt, humanam vero negligunt. Propterea quidem in Repub. consulendum esset, ne secundum dotem matrimonia copulantur, sed secundum virtutem, veluti Ocellus Pythagoricus animadvertit». Ключевая часть текста (вторая фраза) в его итальянской редакции была нам доступна по цитате у Де Маттеи (*De Mattei R. Note sul pensiero politico di T. Campanella*. — In: *Campanella e Vico. Atti del convegno internazionale. Roma, 1969, p. 74, n. 30*).

¹⁶ *Ocell. IV*, 10—13. cf.: *Campanella T. Civitas Solis*. — In: *Disputationes, pars III*, p. 153; ГС, с. 64 (беременные женщины принимают пищу по предписанию врачей); *La Città del Sole*, p. 427; ГС, с. 67—68.

¹⁷ *Ocell. IV*, 9—11; cf.: *La Città del Sole*, p. 423, 425—427; *Disputationes, ibid.*; ГС, с. 60—61, 63—68.

¹⁸ Различение между ранним и неопифагорейством, поскольку для Кампанеллы оно не было значимым, в нашу задачу не входит. Что касается параллели между «О природе вселенной» и «Государством», то Ногарола, понятно, объясняет ее зависимостью Платона от Окелла.

¹⁹ *Plat., Resp.*, IV 430 a; V 459 a sqq., 468 c.

²⁰ Такую последовательность в становлении взглядов Кампанеллы как *одну из возможностей* учитывает А. Э. Штекли («Город солнца»: утопия и наука. М., 1978, с. 327).

²¹ *La Città del Sole*, p. 415; ГС, с. 45.

²² *Disputationes, pars III*, p. 108 sqq.

²³ *La Città del Sole*, p. 425: «Se alcune di queste donne non concipieno con uno, le mettono con altri; se poi si trova sterile, si può accomunare, ma non ha l'onore... e questo lo fanno perchè essa non procuri la sterilità per lussuriare»; ГС, с. 64; Штекли и А. Э. «Город Солнца»: утопия и наука, с. 322; автор полагает, что солярии тем самым предоставляют бесплодным женщинам «свободу принадлежать тому, кому они захотят». Но ведь это было бы скорее поощрением, нежели предостережением; кроме того, Кампанелла никогда не рассматривает женщин как активную сторону.

²⁴ *La Città del Sole*, p. 415—16; ГС, с. 45.

²⁵ В отличие от тех, кому государство указывает, от кого они должны произвести потомство. Возможно, первоначально Кампанелла предполагал для последних единое брачное. Во всяком случае обращает на себя внимание ассоциация между «обобщественностью» и принижением социальным положением в отрывке о бесплодных женщинах. Примечательна также сама идея разработать особый статус бесплодных женщин. Авторская мотивировка производит впечатление скорее рационализации, нежели фиксации подлинного мотива. Наказание оказывается жестокой несправедливостью по отношению к женщинам, бесплодным по природе, и влечет распри в «половине государства» (выражение Платона); к тому же

сладострастие было бы последовательней наказывать принудительным воздержанием, а не чем-то противоположным. Кажется, подлинный мотив выражают слова «можно сделать общей».

²⁶ *La Città del Sole*, p. 425 (мы следуем интерпретации А. Э. Штекли («Город Солнца»: утопия и наука, с. 333, прим. 30)). Очевидно, здесь предполагаются меры против зачатия (ср.: *Disputationes*, pars III, p. 109).

²⁷ *La Città del Sole*, p. 423, 425, 427, ГС, с. 60, 63, 68.

²⁸ См. нашу статью в сб.: *Античное наследие в культуре Возрождения*. (В печати).

²⁹ Частое обращение к кн. V «Государства» дает нам повод сделать ряд дополнений к статье «Кампанелла и Ямбул (опыт текстологического анализа)», опубликованной во «Вспомогательных исторических дисциплинах», XIII (Л., 1982). 1) Ficino в предисловии к переводу V кн. «Государства» пишет: «Также Диодор описывает остров в Океане, на юге, где, помимо прочего, общими были даже жены и где люди посвящали себя главным образом философии и астрологии» (*Omnia Divini Platonis Opera*. Lugduni, 1548, p. 397). 2) Отрывок из Диодора о Ямбуле в переводе Поджо был включен в антологию: J. Voetius. *Omnium gentium mores, leges et ritus*, — выдержавшую в XVI в. не менее десятка латинских и полдюжины итальянских (пер. Гаупо) изданий. 3) По-видимому, самый ранний текст, в котором говорится о четырех царях Тапробаны: Ps.-Ambrós. *De moribus Brachm.* (см.: Ps.-Callisthen. Ed. Müller. Paris, 1846, p. 103). De Varthema говорит о четырех царях не только Суматры, но и Цейлона (*Viaggio. Romae*, 1517, f. 77 v.], cf.: *Ptol. Geographia*, pars II. Venetiis, 1596, f. 264 v.; Alstedius, очевидно, следует именно этой традиции. Удивляет *la furia*, о которой говорит Кампанелла, обитателей прославленной Тапробаны. Но была традиция о *la furia* обитателей Суматры. Эта традиция отражена в рассказе Николо Ди Конти, изложенном Поджо, где Тапробана отождествляется с Суматрой (см.: *Viaggio di M. Nicolo di Conti, Venetiano, descritto per Messer Poggio Fiorentino*. — In: *Ramusio G. B. Navigazioni et viaggi*, vol. 1³. Venetia, 1563, f. 339 v.). К отождествлению Тапробаны и острова Ямбула у Рамузио ср.: *Ortelius A. Synonymia Geographica*. Antverpiae, 1578, p. 311: «TAPROBANA... Nonnullis Iamboli insula videtur». 4) *Sampranella T. Poetica / A cura di L. Firpo*. Roma, 1944, p. 132 — важное упоминание Диодора. 5) Рекомендация чередовать пищу высказывается также в кн.: *Sampranella T. Medicinalium, iuxta propria principia, libri septem*. Lugduni, 1637, Lib. III, Cap. III, Art. III, p. 54. 6) Параллель между «Городом Солнца» и Диодором в переводе Рамузио о почитании «il sole e le stelle» должна оцениваться на фоне множества текстов, значимых для Кампанеллы, где в ряду небесных светил называется также луна, которой и геллионеситы, и соларины как-то «пренебрегают» (см.: *Deut. IV*, 19 — cf.: *Gen. I*, 16; *Diog. Laert. VIII*, 27; другие примеры см.: Gleason J. B. *Sun-Worship in More's Utopia*. — In: *Le Soleil à la Renaissance*. Bruxelles—Paris, 1965).